

Старейшина, увидев, что она вняла его словам, почувствовал искреннее облегчение. Хотя внешне эта девочка и казалась холодной, в душе она была довольно своенравной и самолюбивой. Она не всегда слушалась наставлений: порой, даже когда ей что-то втолковывали, она упрямо делала всё наперекор, до того была странной.

Спустя два часа над всей ареной раздался звук гонга. Все притихли, а затем над полем разнесся старческий голос, отчетливо слышимый каждому присутствующему.

Турнир Цзюсюэ совместно проводили четыре великих союза: алхимиков, оружейников, заклинателей и союз травников. Будучи старейшими организациями мира Цзюба, эти четыре союза всей душой радели за будущее этого мира и за подрастающее поколение. Именно поэтому турнир, существующий уже тысячу лет, не был упразднен — его проводили, чтобы вдохновлять молодых людей на постоянное самосовершенствование и вклад в процветание Цзюба, чтобы каждое следующее поколение становилось сильнее предыдущего.

С напутственной речью выступил старейшина союза алхимиков. Человек остроумный и веселый, он намеренно приоткрыл завесу тайны над щедрыми наградами для победителей. Услышав это, толпа пришла в неописуемый восторг, и арена мгновенно наполнилась жаром предвкушения.

Ло Шуюй лишь мельком взглянула на выступающего, но старейшина неожиданно поймал её взгляд и добродушно улыбнулся. Она на мгновение замерла, а в следующую секунду почтительно склонилась в глубоком поклоне.

Люди из этих четырех союзов вызывали искреннее уважение. Их влияние чувствовалось на каждом крупном мероприятии мира Цзюба, а многие из желанных призов были безвозмездно предоставлены именно ими. В мире совершенствования, где ресурсы ценились превыше всего, эти союзы пользовались всеобщим почетом и даже преклонением.

После вдохновенной речи на трибуну вышел молодой мужчина средних лет, чтобы объявить правила:

— В этих горах вам позволено перемещаться повсюду. Наши люди заранее все очистили, так что здесь не встретится ничего, с чем бы вы не справились. Единственное условие — не лишать друг друга жизни, в остальном полагайтесь на собственные силы. Любыми способами добывайте жетоны — это и будет вашим пропуском в следующий тур.

Как только правило было озвучено, толпа загудела. В прошлый раз свод правил турнира был толщиной с книгу, из-за чего ученики были скованы в действиях, а в этот раз им несказанно повезло — всего одно ограничение. Все, не теряя времени, принялись разминаться, готовясь ринуться в бой.

— Однако... — тон мужчины изменился, и он загадочно усмехнулся. — Хотя правило всего одно, прежде чем что-то предпринять, хорошенько подумайте. За пределами арены установлены бесчисленные зеркала наблюдения. Каждое ваше движение, каждый ваш шаг у нас как на ладони. Запомните: у нас на виду абсолютно все.

Лица присутствующих мгновенно вытянулись. Мужчина остался доволен произведенным эффектом. Он поднял сжатый кулак, и как только разжал пальцы, в воздухе, постепенно увеличиваясь в размерах, зависли песочные часы.

— Когда песок иссякнет, все обязаны вернуться, независимо от того, добыли вы жетон или нет. Продолжать поиски после этого запрещено.

Как только он закончил, песок начал сыпаться. Люди, ожидая продолжения, замерли, глядя на него. Мужчина приподнял бровь:

— Чего уставились? Чего ждете? Бегом на поиски! Часы уже пошли!

Опомнившись, все в панике бросились врассыпную, устремляясь вглубь гор.

В царившей суматохе было трудно избежать столкновений. Ло Шуюй окружила себя защитным барьером из духовной энергии. Её лицо, холодное и полное убийственного спокойствия, словно говорило: кто прикоснется — тот труп. В итоге возникла странная сцена: она двигалась сквозь толпу, как нож, разрезающий водную гладь, и люди сами расступались перед ней.

В таких огромных горах встретить знакомых было нелегко. Ученики секты Чжаохуа тоже рассредоточились, но не следовали за ней, решив взять на себя устранение соперников. Стоило им заметить кого-то, чей счет был выше, чем у Ло Шуюй, как они тут же набрасывались всей толпой и отбирали жетоны. Правил-то нет, а значит, пока противник жив — можно делать что угодно.

Ло Шуюй высвободила духовное чутье, сканируя горы. Её сознание было необычайно мощным, ведь она перерождалась множество раз, сохраняя память прошлых жизней. Она могла контролировать всю территорию, оставаясь незамеченной для экспертов снаружи, но всё же вела себя осторожно — в мире совершенствования было немало сильных мира сего, поэтому лишний раз светиться не стоило.

Горы были усеяны хлопковыми деревьями. Сейчас был самый сезон цветения, и пушистые волокна, разлетаясь, напоминали бескрайние облака или сладкую вату.

Сознание Ло Шуюй скользило по деревьям, пока внезапно не остановилось на одном из самых крупных. Она не проявила радости от обнаружения жетона, лишь ускорила. Прибыв на место, она взобралась на ветку и, помедлив секунду, нырнула в мягкую пушистую крону.

Вдруг она нащупала что-то теплое и тонкое, что тут же обвилось вокруг её пальца. В её темных глазах мелькнуло отвращение, и она, собрав в руке сгусток энергии, отшвырнула нечто прочь.

— Ай, черт! — раздался возглас.

Кого-то отбросило ударной волной, и он, не удержавшись, рухнул вниз, по пути ломая ветки,

пока не раздался глухой стук о землю.

Только тогда Ло Шуюй поняла, что на дереве был кто-то еще, а она даже не заметила. Она взмахнула рукой, разметав крону хлопкового дерева, и пух полетел во все стороны. Ло Шуюй ловко подхватила жетон, который, лишившись опоры, уже начал падать.

Стоя на голой ветке, она в своем бело-голубом одеянии казалась видением. Ветер трепал её полы, а лицо, словно выточенное из нефрита, слегка наклонилось вниз. В её холодных, далеких от мирской суеты глазах промелькнуло недоумение.

Лань Яньцзяо, наглотавшись пуха, расчихался. Он лежал на земле, раскинув руки, и щурился от яркого солнца, глядя на фигуру наверху.

— А ведь красивая, — невольно вырвалось у него, очарованного красотой незнакомки.

Девушка на дереве обладала холодным, отстраненным обаянием, напоминая белую сливу в разгар зимы. Её темные, глубокие глаза были удивительно чистыми, но в этой чистоте читались лишь безразличие и холод.

Он поморгал, приходя в себя, вскочил на ноги, отряхнулся и, глядя на неё, вызывающе бросил:

— Так это ты! А я думал, что за девчонка тут прячется, такая белокожая, тьфу. Ладно, жетон забирай себе, я, как молодой господин, проявлю великодушие и не буду отнимать.

Его слова звучали по-хамски, словно он вырос в подворотне. Он привык к вседозволенности и лести, привык не считаться ни с кем и ничего не бояться. Вот так, совершенно беспечно, он нажил себе врага в лице Ло Шуюй — человека злопамятного и мстительного.

Ло Шуюй слегка прищурилась, глядя на него холодным взглядом, а затем внезапно бросила ему жетон на пять очков:

— Я не отбираю игрушки у детей.

Её глаза в форме феникса, обычно холодные и отстраненные, сейчас выглядели пугающе равнодушными.

<http://bllate.org/book/18886/1844730>